

В эту ночь на небе сияла молодая луна. Острая и тонкая, словно лезвие клинка, она светила так ярко, будто из её узкого серпа изливался настоящий солнечный свет, заливая холодным серебром изрезанные каменистые кручи.

На самом краю пропасти стоял юноша в чёрных одеждах, подставив лицо порывам ветра. Холодный воздух яростно трепал полы его халата. Мертвенная бледность не могла затмить безупречную, почти неземную красоту его лица; длинные фениксовые глаза были опущены, а стройный, гибкий силуэт напоминал стебель одинокого бамбука.

У самого его горла замерла сталь — обнажённый клинок, чистый и холодный, словно осенняя вода.

«Что ты творишь?! Не делай глупостей! — Система едва не исходила искрами от паники. — Прощу тебя... умоляю, опусти меч и выслушай меня!»

Голос Янь Фуи звучал спокойно. Пожалуй, даже слишком спокойно.

— Что значит «ты мне поможешь»?

«Я... ну я же твоя Система! Конечно, я помогу! — затараторил голос в его голове. — Жизнь ведь только начинается, впереди столько всего... Послушай, хороший мой, опусти клинок, ладно?»

Но меч даже не шелохнулся. Напротив, под полным ужаса мысленным взором Системы лезвие прижалось к шее ещё плотнее. По стальной грани поползла тонкая струйка крови и закапала на серые камни.

— Скажи мне, — тихо произнёс Янь Фуи, — есть ли шанс вернуть шихэна Фуюя к жизни?

«...»

Система разрывалась от отчаяния. Но, как и прежде, стоило ему только подумать о том, чтобы выдать сюжет, раскрыть себя или произнести хоть слово из запрещённого, невидимая властная сила мгновенно сковывала разум, не позволяя вымолвить ни звука.

Янь Фуи сжимал рукоять обеими руками. Его лицо оставалось бесстрастным, но Система знала его слишком хорошо, чтобы разглядеть бушующий поток под этой обманчивой коркой льда. Достаточно было сделать полшага назад, чтобы рухнуть в бездонную пропасть. Каждое мгновение грозило стать последним.

Худшим было то, что всевидящая воля Небесного Дао пресекала любые попытки обойти запрет. Система не могла дать даже самого простого обещания: «Он вернётся».

Янь Фуи замер. Его пальцы, стискивавшие эфес, побелели от страшного напряжения.

— Система.

«Я здесь! — тут же отозвался тот. — Я здесь!»

— Как давно ты со мной?

«...»

— Мой шихэн... он ведь может вернуться, верно?

«...»

— Система, — едва слышно прошептал Янь Фуи. — Ты здесь?

«Я здесь! Слышишь?! Я всегда был и буду рядом!» — Систему захлестнула волна безумного облегчения, и он закричал изо всех сил.

Ресницы Янь Фуи вздрогнули. Он погрузился в глубокое раздумье.

— Значит, — медленно опустил он меч, — что я должен делать?

Система едва не разрыдалась от счастья. Не зря он выбрал именно его! Какой острый ум, какое поразительное самообладание! Янь Фуи мгновенно всё понял: раз Система молчит и не может ответить напрямую — значит, надежда есть, просто правила запрещают говорить об этом вслух.

Глядя на молодого мечника, который едва держался на ногах, но уже сосредоточенно хмурился и искал выход, Система испытывала одновременно и гордость, и щемящую жалость.

«Сейчас твоё главное дело — поправиться, — мягко произнёс он. — Позже я начну давать тебе задания. За их выполнение ты будешь получать очки. Когда накопишь достаточно, сможешь исполнить любое своё желание».

Янь Фуи приоткрыл рот, но так и не решился спросить: «Любое желание?»

Сердце в его груди бешено колотилось. Безумная надежда на спасение мешалась со смертельным страхом. Он боялся, что если спросит лишнее, этот хрупкий замок из грёз, который он сам себе только что построил, рассыплется в прах.

А если всё исчезнет...

Янь Фуи заставил себя прогнать эти мысли, но ледяная стужа, мгновение назад сковавшая его тело, всё ещё холодила кровь. Ему было страшно. Невероятно страшно нарушить клятву, данную шихэну.

Они ведь обещали друг другу вместе обойти все Девять Провинций. Починить барьер Царства демонов. Девяносто тысяч раз.

Если в один прекрасный день шихэн проснётся и узнает, что его предали, он будет горько разочарован.

А Янь Фуи меньше всего на свете хотел разочаровать его. Шихэн оставался единственным человеком, который в него верил. Единственным, кто ещё не отвернулся.

И тут боль, которую он до сих пор сдерживал волей, хлынула неодолимым потоком. Голос Системы отдалился, зазвучав откуда-то из бесконечной дали. Янь Фуи попытался зацепиться за него сознанием, но его истощённый дух, подобно оборванной паутинке, бессильно метался на ветру. Он перестал чувствовать собственное тело. Лунный свет, скалы, очертания ущелья — всё померкло, растворившись в багрово-чёрной бездне.

Янь Фуи даже не понял, как рухнул навзничь.

Он упал безвольно, словно кукла, у которой перерезали нити. Без конвульсий, без единого стога — просто распростёрся на холодной земле, пока из ран на его теле медленно и непрерывно сочилась кровь. Трудно было представить, как в столь измождённом теле могло оставаться столько жизни.

Ветер на вершине выл неистово. В густой темноте ночи над потерявшим сознание юношей соткался полупрозрачный, едва различимый силуэт.

— Фуи! — в панике позвал призрак. — Слышишь меня?! Не смей засыпать!

Это был молодой мужчина в богатых парчовых одеждах. Черты его лица дышали редкой красотой, но в них не было благородной чистоты Янь Фуи, напоминавшей лунный свет среди сосен. От этого незнакомца веяло властью и суровой, режущей силой — истинный владыка, чей взор разил острее ледяного ветра.

У призрака не было плоти, но невидимая, тонкая связь с Янь Фуи позволяла ему чувствовать состояние юноши. И сейчас эта связь приносила лишь ужас: крупницы жизни покидали израненное тело с каждым вздохом.

Мужчина стиснул зубы до скрипа. Лицо его исказилось от слепой, звериной ярости.

Надо же было случиться худшему: именно сейчас этот ничтожный ублюдок, младший брат Янь Фуи, запустил ритуал Наследия, вырывая кости меча из груди юноши!

В таком состоянии Янь Фуи просто не переживёт этого насилия.

Но как бы ни кипел от гнева дух, он оставался лишь бессильной тенью. Ах, если бы он действительно был всемогущей Системой! Но этот образ был лишь выдумкой, созданной в обход строгих законов Небесного Дао, чтобы подарить мальчишке хоть какую-то опору.

Вдруг мужчина замер. Он вскинул голову, глядя на острый серп луны, и его лицо озарилось безумной надеждой.

В его ладонях начала разгораться золотисто-багровая искра, тёплая, словно живое пламя. Если бы здесь оказался хоть один великий заклинатель Девяти Провинций, он лишился бы дара речи: эта сила, на первый взгляд неброская, таила в себе колоссальную, первозданную энергию сотворения мира.

— Маленькая луна... На этот раз я отдаю всё до последнего вздоха. Уж постарайся выжить, ладно? — прошептал Ли Фуюй.

На его бледных губах выступила кровь, но он даже не вытер её. С нежной, благоговейной улыбкой он смотрел, как золотистое пламя плавно опускается на грудь Янь Фуи и тает, проникая в самое сердце.

Мир вокруг погрузился в торжественное, жутковатое безмолвие. Тёплое сияние окутало юношу, и его израненное тело словно преобразилось — так заснеженные пики вспыхивают багрянцем в лучах заходящего солнца.

Призрак заколебался, его очертания начали стремительно таять, растворяясь во тьме.

Он небрежно стёр кровь с губ, опустился на колени и протянул руку к бледному лицу спящего.

Сперва его пальцы замерли в нежном, тоскующем жесте, но затем он сердито нахмурился. Не будь он бесплотным духом, он непременно ущипнул бы этого несносного мальчишку за щёку, заставив вскрикнуть от неожиданности — просто чтобы проучить за полное нежелание беречь себя.

«Ну что за глупый ребёнок... Как можно позволять так с собой обращаться?»

«Впрочем, разве ты виноват? Проклятое Небесное Дао выжимает из тебя все соки, словно безжалостный хозяин».

«Решило сделать из тебя злодея сразу для трёх историй? Чудесно, просто прекрасно! Все вокруг у нас благородные герои, баловни судьбы, а мой красавец должен вкалывать за десятерых, верно?»

Наконец его бормотание стихло. Даже свирепый ветер унялся, уступив место мягкому лунному свету, струящемуся над кручей.

Ли Фуюй долго, затаив дыхание, созерцал спящего юношу. Время для него словно остановилось. Не выдержав, он коснулся собственным пальцем своих губ, а затем, со священным трепетом, перенёс это невесомое прикосновение на приоткрытые, обескровленные губы Янь Фуи.

Он тут же отпрянул, словно обжёгшись, и прижал дрожащую руку к груди, где бешено колотилось призрачное сердце.

«Глупый ты мой...»

Когда Янь Фуи открыл глаза, его встретил полумрак. Пальцы нащупали грубую ткань простыни. Сквозь плотный полог пробивалось слабое, уютное тепло далёкого солнца. Пахло чистотой и простым дешёвым мылом.

Он попытался пошевелиться, но каждая косточка в теле отозвалась глухим хрустом.

Странно, но боль казалась притупленной, словно отделённой невидимой преградой. За годы бесконечных сражений Янь Фуи научился досконально понимать своё тело, и сейчас он точно знал: раны должны были приносить невыносимые, дикие мучения.

Даже ледяной холод, годами терзавший его грудь, бесследно исчез.

Это мимолётное облегчение сыграло с ним злую шутку. Инстинкты мечника сработали мгновенно: Янь Фуи попытался резко перевернуться и занять оборонительную стойку.

Раздался глухой стук.

Система даже не пыталась скрыть ехидного смешка, глядя, как юноша бессильно рухнул обратно на тюфяк.

«Чтобы вытащить тебя с того света, пришлось спустить все накопленные очки под чистую! — съязвил он. — Да ещё и глушитель боли подключить... И кое-кто всерьёз решил, что готов прямо сейчас ринуться в бой?»

Янь Фуи нахмурился, упрямо поджав губы. Кончики его ушей предательски вспыхнули

румянцем, хотя лицо оставалось смертельно бледным.

«Считай, что тебе крупно повезло, — проворчала Система. — Кто же знал, что в такой глуши найдутся обитатели. Два охотника как раз возвращались домой и подобрали тебя».

Выходит, его спасли простые смертные.

Вчерашняя суматоха окончательно спутала мысли. В беспамятстве он не понимал, куда идёт. Система же, прислушавшись к говору местных жителей, предположила, что они находятся где-то ближе к Срединным равнинам.

В его меридианах не осталось ни капли духовной энергии. Но это не было обычным истощением после тяжёлого боя. Для заклинателя, чья жизнь неразрывно связана с циркуляцией внутренней силы, изменения были необратимыми. Едва придя в себя, Янь Фуи осознал: его тело стало чужим.

Он больше не улавливал дыхания природы, не ощущал духовной мощи, пронизывающей кости, и потерял связь со своим духовным мечом.

Полное разрушение каналов ци — приговор для любого практика.

Оставалось лишь удивляться, как после мучительного ритуала Наследия, когда у него заживо вырвали кости меча, он ухитрился остаться в живых.

Заметив его долгое молчание, Система спросила уже гораздо мягче:

— Эй, ты о чём задумался?

Янь Фуи едва заметно качнул головой.

Ни о чём.

В Изящном павильоне Синего Лотоса на главной вершине Куньлуня он успел передумать слишком о многом.

Сперва он пытался разгадать, какие коварные замыслы вынашивает Сяо Фэн, просчитывающий каждый свой шаг.

Затем мучился вопросом, осталось ли в сердце Тиншуана хоть немного места для родного брата.

И, наконец, думал о том, что сколько бы он ни был обязан шихэну Фуюю, его долг перед Куньлунем, главой ордена и Ли Цинхэ теперь выплачен сполна. Пора подвести черту.

Но все эти запутанные, болезненные мысли, подобные многолетнему льду, разом испарились в бушующем пламени пережитого предательства. Ветер на вершине утёса развеял их без следа.

Теперь Янь Фуи не хотел думать ни о чём.

Перед его внутренним взором возникли картины из далёкого прошлого, окрашенные мягким, золотистым светом: затерянная в тумане долина, ушедшие времена года, детская деревянная сабелка, которую бережно вложила в его ладонь мать... И шихэн, лениво жуящий травинку посреди бескрайнего поля спелой пшеницы.

Юноша лежал неподвижно, стараясь сохранить безразличие. Но Система отчётливо видела, как его обычно ясные, холодные глаза затуманились слезами. Безмолвно, без единого вздоха или гримасы боли, его веки покраснели. Крупные капли долго дрожали на ресницах, пока наконец не покатались по бледным щекам одна за другой.

Ли Фуюй молчал.

Ветхая крестьянская избушка спала в полуденной тишине. Солнечные лучи, проходя сквозь запылённое слюдяное оконце, ложились на старую деревянную мебель мягкой золотистой вуалью. Тёплый свет мягко озарял неподвижную фигуру юноши на кровати.

Он лежал так тихо, словно сам превратился в безжизненную часть этой скромной обители.

Его лицо казалось высеченным из мрамора, и лишь заплаканные глаза выдавали живую душу. Эта безмолвная тоска ранила куда больше любого крика. Юноша напоминал ребёнка, внезапно проснувшегося посреди ночи от кошмара: он не помнил, что именно его напугало, но сердце разрывалось от отчаяния, и безумно хотелось уткнуться в родное плечо и выплакаться.

Но идти ему было не к кому. И Янь Фуи просто лежал, утопая в своей скорби, не замечая, как слёзы продолжают мочить грубую подушку.

«Я здесь, Фуи, — тихо выдохнул Ли Фуюй. — Не сдерживайся. Плачь, я никому не скажу».

Как же он ненавидел своё бессилие! У него не было плоти, не было рук, чтобы обнять и защитить этого упрямого. Вновь и вновь, на протяжении долгих лет, ему приходилось безучастно смотреть, как Янь Фуи топчут в грязи, как он балансирует на краю гибели, чтобы потом, собрав остатки сил, вновь взобраться на вершину и вернуть миру сияние своей чистой луны.

«То, что он меня слышит — уже великое благо», — без конца твердил себе Ли Фуюй. Нужно

быть благодарным судьбе за то, что он может оставаться рядом, за то, что вчера спас его от смерти.

Но сердце щемило от невыносимой жадности. Простой близости было мало — ему безумно хотелось подарить юноше настоящее, земное тепло.

Сдерживаемый до последнего всхлип наконец прорвался наружу. Услышав этот ласковый вздох, Янь Фуи задрожал всем телом. Рухнула лавина, копившаяся долгие годы; переломился клинок, прошедший тысячи битв.

Все барьеры рухнули. Боль, сравнимая с медленным вырезанием сердца, захлестнула его с головы до ног. Он задыхался.

Юноша сжался в комок. Одной рукой он судорожно комкал изодранный чёрный халат, а другую прижал к лицу, тщетно пытаясь заглушить рвущиеся из самой груди хриплые, надрывные рыдания.

<http://bllate.org/book/20278/2130672>